

НАУКА ЧЕЛОВЕКА: ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБЩЕЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

*(или История о чрезвычайном происшествии
в благородном семействе наук)*

А.Б. ОРЛОВ, Н.А. ОРЛОВА

Орлов Александр Борисович — профессор кафедры психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, руководитель магистерской программы «Исследование, консультирование и психотерапия личности».

Контакты: aorlov@hse.ru

Орлова Наталия Александровна — старший преподаватель кафедры культурологии факультета гуманитарных наук МФТИ, старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО, кандидат философских наук.

Контакты: n.orlova@newmail.ru

Резюме

В статье дискутируется «персонологический проект» развития психологии, предложенный Вадимом Артуровичем Петровским и Еленой Борисовной Старовойтенко. Выявляются и эксплицируются внутренние противоречия и недостатки данного проекта, главными из которых оказываются «бессистемность», хаотичность и синкретичность концептуального аппарата и «бесчеловечность», редукция человека до личности, а личности до персоны. Авторы статьи полагают, что персонология невозможна как интеграция разных парадигм, но она возможна как интеграция разных понятий в рамках какой-то одной парадигмы, существующей в современной психологии личности (например, персонология реально существует в рамках и экзистенциального, и человекоцентрированного подходов). Персонология невозможна также как интеграция разных культур, но она возможна как интеграция понятий внутри одной культуры. Иначе говоря, общая персонология как

изначальный глобальный проект невозможен; возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта естественная амбиция прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической. Более того, лишь при построении частной персонологии (внутри одной научной парадигмы и одной культуры) возможна действительная (а не только на словах), творческая интеграция понятий. Поставив перед собой задачу построения общей персонологии до построения частной персонологии, Вадим Артурович Петровский и Елена Борисовна Старовойтенко неизбежно стали заложниками перечней разнородных, противоречивых понятий и странных, безосновательных классификаций. Ни понятие «персона», ни понятие «перзон» (по Лэнгле), ни понятие «личность», ни даже понятие «субъект» неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов «персонологического проекта». Существует лишь одно понятие, соразмерное данному проекту, и это понятие — «человек» (как человеческое существо). Перспективы развития общей персонологии видятся в реализации холистической человекоцентрированной парадигмы применительно к фундаментальной, консультативной и культурной психологии личности. Данная область психологии и психопрактики позиционируется в статье как «наука человека — о человеке — для человека — во имя человека».

Ключевые слова: персонология, общая персонология, частная персонология, личность, персона, субъект, человек, психотерапия, человекоцентрированный подход.

Человеческому разуму нужны не столько крылья, сколько гири.
Фрэнсис Бэкон

Платон мне друг, Сократ мне друг, но истину следует предпочесть.
Мартин Лютер

Прогресс, в нашем понимании психотерапии, будет обеспечиваться признанием принципиальных различий в существующих терапевтических подходах, а не стремлением к гармонии идей, для которой на самом деле нет никакого основания.
Карл Роджерс

Пролог исторический

Авторы статьи «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старовойтенко, 2012), как они указывают в примечании, независимым образом пришли к

созданию новой науки — общей персонологии¹. За последние годы ничего столь масштабного российская психологическая почва не породила. Персонологический проект можно сопоставить только с науковедческими построениями Б.М. Кедрова

¹ Однако, на наш взгляд, ее следует называть «интегральной персонологией», поскольку идея интегральности является центральной идеей этой концепции, и сами авторы говорят о ней как об «интегральной науке».

(1985), объединившего в единой схеме гуманитарные, социальные и естественные науки и поместившего психологию в центр треугольника, или на вершину пирамиды наук. Таким образом, «персонологический треугольник» является своего рода реинкарнацией идеи великой интеграции наук и поиском их общего основания.

Другие статьи авторов (Петровский, 2003; Старовойтенко, 2010, 2012а, 2012б), посвященные «новой персонологии», могут быть рассмотрены как подготовительные, поскольку они включают в себя те же идеи, а иногда к тому же либо почти полностью дублируют друг друга, либо практически целиком входят в указанную статью (Петровский, Старовойтенко, 2012). Поэтому мы будем в качестве основного источника и наиболее полного изложения концепции общей персонологии ссылаться преимущественно на данную публикацию.

В ней ставится глобальная задача — синтез академической, практической и «понимающей» психологий (последняя из которых в терминологии авторов является «культурологической персонологией») в интегральную науку — «общую персонологию». Указывая Г. Мюррея как

автора термина «общая персонология»², авторы статьи видят в ней «общую науку» Л.С. Выготского, объединение «трех психологий», иллюстрируемое «треугольником». Его вершины образуют «Теория» (фундаментальная психология личности), «Герменевтика» (культурная психология личности) и «Практика» (практическая психология личности). Центр «треугольника» — четыре ипостаси персонологии: фундаментальная персонология (с опорой на «Теорию»); консультативная персонология (с опорой на «Практику»); культурная персонология (с опорой на «Герменевтику») и объединяющая все эти три персонологии общая персонология (Там же).

Нельзя не отдать должное интеграционной мысли В.А. Петровского, создавшего логическую конструкцию новой науки. Однако, восхитившись ее «скелетом», имеет смысл перейти к более конкретному рассмотрению «тела» и посмотреть, насколько жизнеспособен этот юный кадавр.

Пролог драматический

Однажды в семействе высокородных наук появилась юная особа, облаченная в локутный наряд, шитый

² В действительности автором этого термина является не Г. Мюррей (который лишь заимствовал его), а южноафриканский общественный деятель, военачальник и философ Ян Христиан Смэтс (Smuts, 1926), создатель философии холизма (или философии целостности). Именно Я. Смэтс — автор терминов «холизм» и «персонология». Для Я. Смэтса персонология — это результат развития, преобразования психологии личности на основе принципов философии целостности. Примечательно, что современный исследователь творчества Я. Смэтса Э. Тробриндж отмечает сходство его психологических построений вовсе не с концепцией Г. Мюррея (о котором он совсем не упоминает), а с теориями К. Юнга, Р. Ассаджиоли и... К. Роджерса (Trowbridge, 2011, p. 14).

белыми нитками. Она обладала странно расфокусированным взглядом, двигавшимся одновременно в разных направлениях: «от», «на», «в», «из», «с», «между», «за» и «над» присутствовавшими³. И в этом рассеянном по всем временам и пространствам, беспокойно рыскающем и даже алчным взгляде отчетливо читалось нечто одновременно угрожающее и нездоровое: «Я всех вас интегрирую и трансцендирую в Бога, дух, мир и саму себя»⁴.

Все ошарашенно замолкли и приуныли. Только бесстрашная Логика выступила вперед, навела на вновь прибывшую свою лорнетку и строго спросила: «Вы кто такая?»

«Я — ваша основа и вершина, альфа и омега, — гордо ответила та. — Я — парадигма парадигм и наука наук. Поклонитесь мне».

«Нет-нет, — усмехнулась непреклонная Логика. — Давайте-ка для начала заглянем в ваше нутро и разберемся с вашими понятиями и умо-заклечениями».

Тут все выдохнули, оживились и начали разбор вновь прибывшей. Первой взяла слово почтенная Методология.

Методологическое противоречие: категория и парадигма

Начнем с персонологического треугольника. Вершина «Теория» вбирает все множество теорий личности. Как указывают авторы статьи,

факт подобной интеграции не принадлежит ни одной из теорий, но является фактом «общей персонологии» как некоторой метапсихологии. Вершина «Практика» вбирает разномыслие психопрактик, осуществляя их «метаанализ». Вершина «Герменевтика» вбирает все культурно-антропологические построения, связанные с личностью. Видимо, с некоторым сожалением авторы статьи отмечают, что хотя эти вершины и соединены, но соединены «штрихпунктирно» и все еще существует «слишком много различий». Нам это легкое сожаление кажется слишком оптимистичным, поскольку авторы статьи вообще весьма «штрихпунктирно» подошли к проблеме различий, которые являются вовсе не досадным атавизмом прошлого, а неотъемлемым «модусом вивенди» самого интегрируемого ими материала.

Дело в том, что, поставив целью интеграцию, авторы постоянно обращаются к понятию «парадигма». Например: «Одной из приоритетных задач персонологии можно считать развитие *интегральных парадигм* (курсив наш. — А.О., Н.О.), которые способны связать воедино множество “рассеянных” исследовательских данных и частных моделей личности. К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное, культурное, жизненное, телесное» (Старовойтенко, 2010, с. 4). В другой публикации читаем:

³ «Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях “от”, “на”, “в”, “из”, “с”, “между”, “за”, “над” личностью» (Старовойтенко, 2012а, с. 63).

⁴ Персонология есть обретение человеком истины «в Боге, в духе, в мире и самом себе» (Там же, с. 61).

«Одним из возможных способов интеграции знания о личности является применение “парадигм синтеза” в пространстве персонологии. К таким парадигмам можно отнести категории “культура”, “жизнь”, “Я”, “Другие”, “индивидуальность»» (Старовойтенко, 2012а, с. 60).

В Википедии можно прочесть: «Парадигма (от *греч.* *παράδειγμα*, “пример, модель, образец”) — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества», в методологии под парадигмой понимается «совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени», а в философии науки парадигма «означает совокупность явных и неявных (и часто не осознаваемых) предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки». Парадигма — это всегда *совокупность*, а не единственное понятие. Конечно, парадигма может называться одним словом (кантианство, марксизм, коммунизм), но сама парадигма — это не название парадигмы. В силу этого «культура», «жизнь», «мир», «Я», «другие», «индивидуальность» и т.п. не являются парадигмами. Они являются понятиями и даже могут быть категориями — предельно общими понятиями. Смешение понятий «парадигма» и «категория» можно было бы посчитать логиче-

ской ошибкой или даже просто небрежным словоупотреблением, если бы из него не вытекало принципиальное методологическое противоречие.

Оно возникает тогда, когда речь заходит об интеграции и читатель подводится к неявному выводу, что перечисление понятий через запятую делает возможным некий синтез. Однако даже отдельные категории создают огромную проблему для «синтеза» (например, такие категории философии, как «бытие» и «природа», «материя» и «идея», или такие категории культурологии, как «культура» и «цивилизация»). Задача интеграции усложняется еще и тем, что, помимо общих словарных значений этих слов, каждая авторская теория вводит в эти понятия свои, только ей присущие определения. Так, *слово* «символ» имеет ряд общепринятых словарных значений. Когда же мы начинаем рассматривать «символ» как *понятие*, то сталкиваемся с полифонией подчас противоположных определений (Орлова, 2000, 2014).

Если отдельные категории метафорически можно сравнить с «блюдами», расставленными на «столе», то в этом случае трудно сочетаемые компоненты с риском для желудка все же можно отведать вместе. Но «парадигма» — это система понятий, поэтому ее следует сравнить с типом сервировки стола, а не с отдельным блюдом. Перечисленные через запятую понятия, к чему столь часто прибегают наши авторы, можно сравнить со шведским столом, где блюда существуют отдельно и можно, попробовав от каждого, «синтезировать» их в своем желудке. Но даже в этом случае бумажное поглощение всего

поставленного на стол чревато последствиями для пищеварительной системы, ведь важно не просто поглотить, а переварить и усвоить. Что же говорить о попытке объединить «шведский стол» с «русским застольем»? Понимание парадигмы как системы понятий при задаче интеграции — принципиальная вещь. Связи между понятиями в парадигме не являются случайными. Они создают логическую непротиворечивость системы, позволяя ей самоопределяться среди других систем. Например, кантианство как парадигма в философии не является категорией, даже столь специфической, как «трансцендентальный субъект», а гегельянство не является одной категорией «абсолютная идея». Эти крупные понятийные системы можно назвать «философскими парадигмами», но задача их «синтеза» представляется нам весьма амбициозной. Даже синтез близких по истокам и предмету исследования учений З. Фрейда и К.Г. Юнга (постоянно упоминаемых в тексте статей через запятую, но имевших явные концептуальные противоречия при жизни), которые тоже можно назвать «психотерапевтическими парадигмами», нам представляется весьма непростой задачей. Если же задача интеграции отдельных направлений в культуре столь сложна, то что же говорить об интеграции самих культур?

Тут Методологию продолжила эрудированная Культурология.

Культурологическое противоречие: культура и культуры

Страстное желание объединить необъединяемое может быть по-че-

ловчески понятно, поскольку человеку сложно выдерживать линии напряжения, вызванные различиями. Но ученый не может позволить себе такой по-человечески понятной слабости. В одной из статей мы читаем: «...культура — это обширный мир, условия, средства, творческий уровень, критерий высшей продуктивности индивидуальной жизни» (Старовойтенко, 2012а, с. 65). Для автора культура — это некий единый феномен, единый «обширный мир». Естественно, в этом случае проблема интеграции становится очень простой, по большому счету ее просто нет. К сожалению, исследование реальных культур свидетельствует о том, что культура — это различия. Поэтому, хотя и есть одно понятие «культура», нет одной культуры как таковой, а есть разные культуры. Там, где различия стираются, культуры умирают. Самый популярный и доступный пример — различие языков, являющихся базовым аспектом культур. Борьба за язык, за его чистоту и воспроизводимость в новых поколениях — только самый явный и самый близкий нам пример того, что не всегда синтез — это то, к чему нужно стремиться. То же мы увидим в любой культурной сфере, начиная от быта и кончая вероисповеданием, в котором ортодоксия, правильная вера, важнее синтеза религиозных представлений.

Нет ничего удивительного, что крупные культурологи рассматривали не одну единую культуру, а множество разных культур, например, упоминаемый авторами публикации О. Шпенглер и не упоминаемые А. Тойнби и Н.Я. Данилевский. Множественность культур делает пробле-

матичным само существование «культурного опыта» как единого феномена. В таком случае следовало бы говорить об интеграции «культурных опытов» как очевидной реальности.

Но ситуация еще хуже. В одной из статей персонологического пула можно прочесть: «В основу развития данного направления (имеется в виду культурологическая персонология. — А.О., Н.О.) положен метод персонологической интеграции культурного опыта, включая реконструкцию европейского культурогенеза познания личности и исследование жизни личности в культурном контексте» (Старовойтенко, 2012б, с. 207). Но если, в конце концов, речь идет о построении «общей персонологии», то почему нужно брать только «европейский культурогенез»? Куда исчезли как минимум крупнейшие индийская и китайская культуры, в которых тоже был «культурогенез» и познание человека и в недрах которых родились столь крупные «парадигмы», как буддизм, джайнизм, даосизм и конфуцианство? Куда исчез весь арабоязычный мир? Уж если говорить о герменевтической (или культурологической) персонологии как части общей персонологии, то без этих культур невозможно обойтись. И не только потому, что в них произошли фундаментальнейшие осмысления «индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром, с Другими, с жизнью», что является заявленным предметом персонологии (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 24), но и потому, что в эти «парадигмы» вовлечено огромное количество людей, их исповедующих. Конечно,

синтез культурных опытов может быть осложнен трудностью перевода, поскольку перевод даже с живых языков является трудной задачей, а если перед нами тексты, написанные на древних языках, таких как санскрит или вэньянь, то разные переводчики дают подчас совершенно разные трактовки при переводе текста. Тут, конечно же, можно вспомнить, что понимание текста и есть прямая задача герменевтики, которая как раз и могла бы стать тем культурным пространством, где индолог может говорить с синологом, а буддист — с даосом и где различия не будут препятствовать взаимопониманию. Но создание такого культурного пространства — не менее амбициозная задача, чем синтезирование парадигм.

Если же при этом происходит нивелирование различий во имя абстрактной «общности», то нет никаких гарантий, что эта новая культурная реальность будет столь же значима для человека и человечества, как уже существующие и прекрасно себя чувствующие культуры и парадигмы. Ведь именно «цветущая сложность» (К. Леонтьев) — показатель культурного благополучия, а единообразная стрижка «под Ким Чен Ына» — показатель культурного застоя. В этом смысле кризис психологии 1920-х гг. — «расцвет» (В.П. Зинченко), тогда как «триумфальное шествие единой советской психологии», как видим мы сейчас, — настоящий кризис отечественной психологии, грозящий обернуться в ближайшем будущем одной из наших культурных лакун.

После Культурологии слово перешло к дотошному Науковедению.

Наукоедческое противоречие: система понятий и перечень понятий

Если же предположить, что выше-названные проблемы вполне осознаются авторами новой науки, то должен быть показан инструмент их преодоления. Поскольку интегральная персонология претендует быть не просто пустым именем для разношерстных фрагментов знаний из разных областей, а «парадигмой» или даже метапарадигмой, парадигмой парадигм, «новой наукой», она тоже должна быть системой понятий с эксплицированными связями между ними. Очевидно, что среди таких понятий должны быть как минимум следующие: «персона» и «личность». Авторы также называют такие специфические понятия, как «лик» (Орлов, 1995а, 1995б, 2002а) и «person» (Лэнгле, 2005).

Но прежде чем перейти к рассмотрению этих сквозных для системы понятий, остановимся на понятии интеграции, поскольку именно она представлена как главная цель новой науки.

Она определяется следующим образом: «Под *“интеграцией”* понимается обобщение, синтез, введение в новый контент, перевод в новую форму, расширение контекста познания» (Старовойтенко, 2012а, с. 65). В данном случае перед нами в первых двух перечисленных случаях явная тавтология, а дальше начинаются терминологические сложности.

Что такое «введение в новый контент» и чем оно отличается от «расширения контекста»? «Контентом» обычно называется любое содержание сайта. В таком случае «введение

в новый контент» — это просто размещение статьи на новом Интернет-ресурсе. Но можно ли считать это интеграцией? Если же понятие «контент» берется в каком-то другом, расширенном значении, то это следовало бы оговорить, чтобы читатель — продвинутый пользователь — не терялся в догадках.

Что такое «перевод в новую форму»? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется? Например, в XVI–XVII вв. в Европе была в моде придворная игра в составление девизов из рисунка и текста, называвшаяся «наукой двора» (Эмблемы и символы, 1995). Такое объединение создавало новый смысл, которого не было по отдельности в рисунке и тексте. Возможно, в этом случае происходила интеграция «вербального» и «визуального» кодов. Но это довольно редкий случай. Во всех же прочих ситуациях мы имеем, как правило, не интеграцию, а интерпретацию или, если авторам больше нравится современная семиотическая лексика, коннотацию, которых может быть бесконечное количество. Все школьные сочинения и критические рецензии, написанные на художественные произведения, — примеры такого коннотирования. Но стоит ли их всех интегрировать?

Что же до «расширения контекста познания», которое в юнгианской традиции называется «амплификацией» и имеет границы применимости, его упоминание в данном контексте вообще приводит читателя в состояние когнитивного ступора: куда именно и зачем должно производиться расширение контекста?

Тут нам сообщается, что следует выйти за пределы гуманитарных наук в естественные науки и даже за границы научного познания (Старовойтенко, 2012а, с. 59). От таких перспектив даже у смелых людей захватывает дух, а у здравомыслящих — кружится голова. На практике же желание «побежать сразу во все стороны» приводит не к расширению контекста, а к дезориентированности.

Не определившись с понятием интеграции, деятельность персонолога представляется загадочной, если не сказать мистической. Призвав на помощь воображение и «выйдя за границы научного познания», можно представить некую алхимическую реторту, в которой в результате непонятных алхимических реакций соединяются факты с метафорами, художественные образы с экспериментальными данными, реалии с именами, но результатом такого синтеза вряд ли будет вожделенный философский камень. Подобной алхимической методологией еще можно было кого-то соблазнить в «лихие девяностые», когда испарялись не только деньги, но и целые государства, сейчас же подобные «фокусы» с вниманием еще возможны с не слишком разборчивыми грантодателями и книгоиздателями, но вряд ли введут в соблазн научную общественность.

В итоге приходится с сожалением констатировать, что и без того предельно бедная понятиями сверхновая научная парадигма того и гляди коллапсирует в одну категорию личности.

Науковедение сменила принципиальная Логика.

Логическое противоречие 1: название науки и предмет науки

Полагается, что персонология исследует «уровень человеческого бытия, создаваемый пересекающимися... индивидуальными жизнями, самодействующей причиной каждой из которых выступает *личность*» (курсив наш. — А.О., Н.О.) (Старовойтенко, 2012а, с. 61). При этом «понятие “личность” должно объединить многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные *фундаментальные модусы личностной реальности*» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 26).

Если личность должна объединить разные модусы, а в пределе не просто разные, а все модусы личностной реальности, то название «персонология» слишком узкое. Как многократно повторяется во всех вышеназванных статьях, персоне — это частичная психическая структура, «не тождественная индивидуальности» и связанная с «внешней установкой» в отличие от «внутренней установки». В силу этимологии слова, его часто используют в бинарных оппозициях, например, Персона и Тень (К.Г. Юнг) или «персональное — публичное».

Можно предположить, что в «персон-о-логии», понимаемой не как «учение о персоне», а как «персона и логос», «персоне» противостоит «логос», чему вроде бы даже можно найти подтверждение в тексте: «В персонологии репрезентируются, интерпретируются и моделируются *связи личностей и логоса*, реализуемые во встречах, в “месте соединения” и в самодвижении жизней познаваемых индивидов и субъектов научного

познания» (Старовойтенко, 2012а, с. 62). Но при этом «логос» остается, если вынести за скобки перечисления разных словоупотреблений, непроясненным термином, в силу чего непроясненными остаются и «связи личностей и логоса», хотя и отмечается, что они «разнообразны» (Там же, с. 61).

Если же авторы расширяют понятие «персона» до понятия «личность», отождествляя их, в силу чего название «персонология» представляется просто более благозвучной и понятной европейскому читателю калькой «личностологии», учения о личности, то указанное выше противоречие все равно сохраняется.

Дело в том, что понятие «личность» традиционно рассматривается как некоторое сужение предельно фундаментального понятия «человек». Человек, естественно, может существовать отнюдь не только в «личностном модусе». Например, он может полагаться как «потребитель», «рабочая сила», «объект медицинских экспериментов», «пушечное мясо» и даже как «лагерная пыль». Более того, в отечественной психологии (и не только) личность чаще всего определяется как социальное образование, возникающее за счет взаимодействия людей, являясь интериоризированными социальными отношениями, которые могут иметь некоторую физическую (анатомическую, физиологическую или психофизиологическую) подоплеку, однако она актуализируется только в том случае, если входит в социальные отношения. Так, в расистских построениях фашистской персонологии эта подоплека вышла на первый план, и «арийская личность»

получила безграничное господство над «неарийской личностью».

Указанное противоречие можно попытаться снять, переосмыслив уже понятие «личность», расширив его и включив в его содержание указанные несоциальные компоненты. В таком случае обычно вспоминают «телесное» (Тхостов, 2002) или «духовное» (Боуэн, 1992; Зинченко, 2002; Пономаренко, 1998; Шадриков, 1996), «этическое» (Фромм, 1998) или «ноэтическое» (Орлов, Шумский, 2005; Франкл, 2000) или же еще какое-либо измерение человеческого бытия, которое добавляет личности особый «модус существования». Можно также рассматривать личность как часть более широкой психической конфигурации, включающей другую психическую инстанцию (например, Самость, Селф, подлинное Я, сущность (Орлов, 1995а, 1995б) или индивидуность (Орлов, Орлова, 2011, 2014) и т.д.).

Логическое противоречие 2: персона и *persona*

Чувствуя узость ключевого понятия, выбранного ими же самими, наши авторы обращаются к персональному экзистенциальному анализу А. Лэнгле с его понятием «*person*» (Лэнгле, 2005), раскрываемым авторами статьи как «духовная индивидуальность человека» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 26).

«Персона» раскрывается в модусах «*persona*» (социальная маска индивида или, согласно западной модели, физиогномические свойства личности); «*per se*» (личность как внутренняя сущность, самопричинность, существование в себе и данность для

себя); “*perzon*” (духовное основание человека, необходимое условие ценностных отношений и подлинной жизни); “*лик*” (единство телесного и духовного в личности); “*персональное*” (“представленность” и “персонализация” личности в других людях)» (Петровский, 2010, цит. по: Персонология, б.д.).

То, что персона являет себя как *persona*, некая персона в квадрате, было бы оправданно в том случае, если бы была предпринята попытка единообразного называния модусов на латинском языке, но переход к «лику» путает все карты. К тому же мы можем прочесть, что «лик» — это «древнее русское понятие» (Старовойтенко, 2012б, с. 209), словно понятия обладают национальностью. Такая классификация выглядит как тога, подпоясанная лычкой. Подобный сюрреалистический ход мысли не просто выглядит аляповатостью, но делает абсурдным попытку развести таким (сугубо языковым) способом родовое понятие (персона) с видовым понятием (*persona*).

Логическое противоречие 3: объем понятия и содержание понятия

Если же понятие «персона» отождествить с понятием «личность» и искусственно расширить, то его содержание, согласно закону обратного отношения объема и содержания понятий, становится предельно бедным. В этом случае персонология выходит в такие «разреженные» слои культурной атмосферы, где ей предстоит соперничать с философской традицией, доказывая, что понятие «персона» имеет больше методологических прав на занятие ниши,

которая давно и прочно занята понятием «субъект».

Такой «субъект-персона» должен будет не только доказать свою терминологическую состоятельность, но и — хочется или не хочется это авторам — разобраться со своим содержанием, каким бы бедным оно ни было.

Логическое противоречие 4: «А+не-А» и «А, не-А»

Непроясненность того, что такое интеграция, имеет множественные последствия. Например, определения понятия «жизнь» выглядят следующим образом: жизнь — поток, путь, опыт, усилие, произведение, текст, путешествие (Старовойтенко, 2010, с. 7–8) или «...жизнь длящаяся, протяженная, емкая, наполненная, пустая, опустошенная, напряженная, ритмичная, аритмичная, постоянная, непрерывная, прерванная, разорванная, необратимая, обратимая, единственная, быстрая, медленная, однократная, контрастная, становящаяся, целостная, преемственная, континуальная, самодвижущаяся, конечная, вечная» (Старовойтенко, 2012б, с. 212).

Все это квазиопределения (а точнее либо перечни, либо метафоры). Конечно же, определение базовых для концепции понятий, особенно если это не специально сконструированные термины, а слова живого языка, имеющие долгую историю, — непростая задача. Но если интегральная персонология имеет амбицию интегрировать широкие культурные пласты, как заявлено ее авторами, то она неизбежно вынуждена ее решать.

В китайском языке, например, есть иероглиф «дао», который на русский язык переводится словами «дорога», «путь», «учение», «закон», «высший принцип» и даже «график» (В.С. Спиринов), индийская культура тоже имеет такое слово — «дхарма», которое понимается как «частица», «условие движения», «закон», «учение». Однако в каждом случае контекст перевода ограничивает словарный перечень значений, даже если мы имеем дело с философским текстом. Если же персонология претендует быть наукой, а не философским учением или религиозным откровением, то строгость определений — одно из важнейших требований к научным текстам — необходимо соблюдать. Невозможно ничего интегрировать, не определившись с собственной системой понятий или не будучи способными из перечня разнородных характеристик создать что-то новое и значимое, поскольку написание тезиса и антитезиса через запятую не дает синтеза, что бы ни думали об этом так пишущие.

Логическое противоречие 5: синкрет и классификация

Определение базовых категорий и получение синтеза из тезиса с антитезисом — творческая задача, которая под силу не каждому. Но построение классификации на внятных основаниях — обязательное требование к научной системе. Как известно из логики, классификация строится на основании дихотомического деления или видоизменения признака. Что же имеем мы в случае персонологии? Она, например, занимается «мирами» (стоит ли говорить, что внятного

определения понятия «мир» мы опять не найдем). При этом миры бывают: мир телесности, духовный мир, культурный мир, общественный мир, мир деятельности, внутренний мир, мир влияний и вкладов, мир высшего (Старовойтенко, 2010, с. 9–10).

Возникает закономерный вопрос: на каком основании выстроена эта классификация? Почему «миры» поделены таким образом? В любой научной классификации, например, «высшему миру» должен был бы противостоять «низший мир», что могло бы увязать «персону» как «внешнюю установку» с существованием различных «теневых» личностных структур, таких как Тень у К.Г. Юнга или динамическое бессознательное у З. Фрейда. Почему авторы, которые хотят интегрировать все модусы личностного существования, обошли своим вниманием столь важные аспекты личности, являющиеся существенным предметом изучения различных психотерапий? Куда деть «бремя страстей человеческих», пороки и перверсии, деструктивные эмоции и низменную мотивацию? Ведь персонология желает быть наукой о человеке как таковом, а не об абстрактном ангелоподобном существе, у которого есть только идеалы, «высшие чувства», «культурное наследие», «высокие каноны», «тайна и благоговение» и немного тела, которое озабочено здоровьем и телесным комфортом. Как это ни покажется странным, даже Эрос куда-то испарился из области, подлежащей интеграции. Он целомудренно назван «порождающей способностью и продуктивностью тела». Подобное пуританство достойно учительницы младших

классов, желающей прикрыть наготу античных статуй, дабы не развращать юные умы. Что уж говорить о сексуальных практиках, таких как тантрическая кундалини-йога, индийская «Кама-сутра» или китайская эротология? Или они избавлены от интеграции в единую систему неким таинственным цензором? Или они не порождение человека, а завезены на Землю марсианами?

Но даже с высшими и возвышенными мирами все обстоит странно, если не сказать загадочно. Как, например, понимать такое высказывание про «мир высшего»: «Мир абсолюта: Бога, Разума, Логоса, Космоса, Универсума». Надо ли полагать, что это перечисляются разные понятия, или считать это разными именами «абсолюта»? Почему они тогда пишутся с заглавной буквы, а «абсолют» нет? Если это разные имена одного и того же, то, как известно, в христианском богословии Логос — это только второе лицо Троицы, а Разум в качестве эпитета Бога вообще редко используется, так как божественная реальность явно превосходит то, что в европейской традиции понимается под «разумом» и «рационализмом». Во времена Французской революции, правда, была «Богиня Разума», изображаемая разными актрисами, которая восходила к дохристианским богиням — Кибеле или Исиде, но вряд ли тут имеется в виду она. А разве «Космос» и «Универсум» — это не просто разные, восходящие к греческому и латинскому языкам названия одного и того же? И почему космос (даже с заглавной буквы) отнесен к «абсолюту»? Сейчас космология — бурно развивающаяся

научная дисциплина — создает модели множественных универсумов, в которых могут действовать другие физические законы и константы, есть даже название для этого — «мультиверсум» (Грин, 2012).

Совершенно неясным остается, почему в классификации есть «внутренний мир» и нет «мира внешнего»? Как соотносятся «мир идеального» и «высший мир»? Почему специально разведены «культурный мир» и «общественный мир»? Не потому ли, что культура понимается слишком узко в том «школьном» смысле все той же учительницы младших классов, когда пение хором патриотических песен — это культура, а граффити на заборе — это не культура, а сплошное безобразие?

Внимательно прочитав перечень того, что входит в «культурный мир», читатель с удивлением обнаружит, что в нем нет науки, даже созданной самими авторами. Но если науки нет в культуре и это не культурное явление, то и в других «мирах» ее не сыскать. Может быть, наука прячется за какой-то «деятельностью» в «мире деятельности»? Но ведь об этом проницательный читатель может и не догадаться. Как известно, в советской психологии доминировал деятельностный подход, поэтому притягивание в эту классификацию «мира деятельности» выглядит не столько как дань уважения отечественной психологической традиции, сколько как разрешение бывшей знатной даме, ставшей бедной родственницей, посидеть на краешке персонологического дивана.

Логику сменила неспешная История Психологии.

**Историко-психологическое
противоречие между
референтным кругом
персонологии, стремящимся к
нулю, и ее содержанием,
стремящимся к бесконечности**

И все же деятельностному подходу было разрешено «посидеть хотя бы на краешке дивана». Всем остальным научным психологическим школам не нашлось места даже в библиографических списках: нет ни одного системного упоминания ведущих отечественных психологов, кроме С.Л. Рубинштейна. Л.С. Выготский упомянут вскользь, но без библиографической ссылки, упомянут «феномен Б.В. Зейгарник», другим не досталось даже этого. Зарубежные психологи представлены несистемной и экстравагантной библиографической выборкой — А. Лэнгле, С. Мадди и К.Г. Юнг. При этом во всех рассматриваемых публикациях одни и те же ссылки кочуют из одной скудной библиографии в другую, а их подборка выглядит явно недостаточной.

Здесь вновь выступило Науковедение.

**Науковедческое противоречие 2:
объективное периферийное
положение и субъективная
мессианская установка**

Установка на сознание «новой науки» может смутить любого, кто знает, сколь редкое это явление в истории наук. При этом новая наука получается не за счет сужения предметной области исходной науки или наук, а за счет ее расширения. Эта установка неизбежно сопряжена с

мессианской напыщенностью и никак не сочетается с научной скромностью. Как правило, наука ассоциируется со специализацией, с ограничением предметной области ради большей глубины ее изучения, и даже междисциплинарные науки имеют границы своей применимости, в чем честно и признаются. Всякий выход за границы своей предметной области неизбежно делает из специалиста в лучшем случае дилетанта и вызывает желание повторить известную фразу: «Суди не выше сапога».

Даже подтвердившие свою научную добротность направления отечественной психологии, такие как культурно-историческая теория Л.С. Выготского и деятельностный подход А.Н. Леонтьева, не претендовали на интеграцию *всего* гуманитарного, естественнонаучного и даже ненаучного знания, объединение различных научных парадигм и даже культур. А ведь оба эти тренда не только являются нашими, отечественными, но и входят в состав признанного за рубежом психологического мейнстрима.

Подобный мессианский запал больше присущ пророкам или религиозным деятелям, нежели ученым, задача которых — получать достоверное, проверенное и перепроверенное знание, а не водить в обман и соблазн окружающих, предлагая им ртуть под видом эликсира бессмертия, даже если ртуть — это металл Гермеса, прародителя герменевтики.

Тут к публике обратилась долго ожидавшая своей очереди красно-речивая Риторика (которая, как известно, ради красного словца не пожалеет и отца).

Риторическое противоречие: тексты без зачина и концовки и персонология как альфа и омега всех наук

Сложности с интеграцией проявляются не только на уровне содержания рассматриваемых публикаций, но и в самом их композиционном построении, которое не имеет начала и конца. Так, основная рассматриваемая статья заканчивается схемой (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 38, рисунок 7), частью которой являются изображения юноши и девушки. Что значат эти изображения, предоставлено гадать читателю. Если же учесть, что это схема «Работы Идеи общей персонологии», то юноша и девушка как некие новые Адам и Ева представляют, видимо, прародителей нового человечества — персонологов, которые и заселят Землю.

Какой бы шуткой с нашей стороны это ни звучало, в свете мессианских идей такое опасение вполне допустимо. Если же учесть, что данную статью с риторической точки зрения можно увидеть как «русский мифологический текст» или проще «русскую сказку», то это даже неизбежно, поскольку именно в таких текстах в конце остаются только настоящие герои, тогда как «остальные будут изгнаны, погибнут или останутся ни с чем» (Исаева, 2013, с. 145). Изображение вперившихся друг в друга и никого больше не видящих двух мелких особ-профилей, лишенных всяких (даже гендерных) характеристик и составляющих «ножку» буквы «пси», логотипа персонологии, — лишнее тому подтверждение. Эти профили держат на

своих головах, как некие новые кариатиды, все три классические направления в психологии.

Трудно удержаться от еще одной (на этот раз сугубо юнгианской) интерпретации образного ряда, предложенного нашими авторами читателям. Эти образы — манифестации авторских Персон (юноша и девушка) и Теней (симметричные профили).

И напоследок, небезынтересно отметить еще одно любопытное наблюдение, сделанное в лоне персонологии: «Героям русских сказок часто бывает трудно выдерживать напряжение оппозиций, и они сами порождают новые противоречия своим нетерпением, любопытством или желанием обладать» (Там же, с. 146). Так что не по своей воле мы вынуждены продолжать, а нашим читателям придется набраться терпения.

Тут вступила еще более бойкая на язык Лингвистика.

Лингвистическое противоречие: единственное число и множественное число

Как мы уже отмечали выше, смешение понятия культуры с реальными культурами ведет к культурологическому противоречию, заставляя видеть в культуре некий единый «культурный мир». Иными словами, там, где следовало бы говорить «культуры», говорится о «культуре». И, наоборот, там, где следовало бы говорить «личность», можно прочесть следующее: «Личность воплощает “содружество субъектов”, “республику субъектов”, множество Я, совокупное “мы”» (Старовойтенко, 2010, с. 14). В данном случае мы склонны все же думать не о психиат-

рическом диагнозе «шизофрения» и даже не о психодинамическом диагнозе «множественная личность», сколько о лингвистическом сбое, позволяющем говорить про совокупность *субличностей* там, где нужно определить понятие «личность». Если же сказать, что «субъект» — это «множество субъектов», понятие субъекта не станет от этого яснее. На этот раз множественное число — такая же ошибка, как единственное в случае культуры.

Нарушила свое молчание и вдумчивая Гносеология.

Гносеологическое противоречие: логос и пафос, филос, эрос

К сожалению, рассматривая данные публикации, мы всегда сталкиваемся с одной и той же проблемой: определения слишком узкие и слишком широкие одновременно. Эта логическая ошибка лежит и в основе персонологического метода, в котором из познавательных способностей только «логосу» отведено некоторое место. Но Интегральная наука наук должна учитывать и такие «крупные» гносеологические способности, которыми являются «пафос», «филос» и «эрос». Опять же, видимо, смутно это чувствуя, авторы пишут: «Сама идея общей персонологии вовлекает психологов в новую профессиональную область, где просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую “общность личностей”» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 38). (Видимо, наше подозрение о новом человечестве все же имеет под собой основание! — А.О., Н.О.) И хотя фантазия о том, как

будут любить друг друга персонологи в новой профессиональной области, отдает некоторой скабрёзностью, все же авторы неявно соглашаются с тем, что только «логоса» как познавательной способности явно недостаточно для столь глобального интегрального проекта. Но вот перейти от изображения далекой цели к разработке пути, или, как говорят теперь, «дорожной карты», никак не получается. Благими пожеланиями же, как известно, вымощена дорога в ад, а вовсе не в персонологический рай.

Тут заговорила пронциательная Герменевтика.

Герменевтическое противоречие: понимание как метод и неинтелигибельность текста

В итоге всех названных выше противоречий, которые не рефлексированы, не эксплицируются, не разбираются и не снимаются родоначальниками новой науки, перед читателем предстает скорее «герметичный», нежели герменевтический, текст. Подобная неинтелигибельность текста драпируется эхололическими перечнями, больше похожими на речитативное камлание азиатских шаманов, чем на ответственный дискурс европейских ученых. От бесконечных перечней и впрямь можно впасть в легкий транс, и в этом измененном состоянии сознания узреть и бога, и дух, и мир, и даже... новую персонологию. Однако, вернувшись в «мир науки», хотелось бы в итоге иметь дело с текстом, отвечающим критериям научности. В противном случае полученный опыт чтения рискует остаться личным достижением

зомбированного читателя, пострадавшего еще от одного из бесчисленного множества текстов-призраков, которыми населены пустоты квази- и паранауки.

Зрячая в корень Онтология тоже внесла свою лепту, завершив полилог наук.

Онтологическое противоречие: субъект как персонология и субъект как персонолог

Но кто должен взяться за дело доведения до ума всех вышеназванных проблем? Понятно, что это должно быть ответственное решение. Можно, конечно, допустить, что персонология как некое живое существо сама доразовьется до нужной кондиции, а сейчас просто еще находится в эмбриональной стадии и поэтому может себе позволить разного рода атавизмы и диспропорциональности. А то, что персонология сама персонализируется, видно из такого замечательного и уже цитировавшегося высказывания: «Персонология обладает уникальным взглядом, движущимся в направлениях “от”, “на”, “в”, “из”, “с”, “между”, “за”, “над” личностью» (Старовойтенко, 2012а, с. 63). Такая «зоркость» «новой науки», возможно, тоже лишь одна из особенностей эмбриональной стадии ее развития, и, повзрослев, она овладеет собственным зрительным аппаратом, сфокусирует зрение и поумерит свои грандиозные амбиции, но все же, как бы ни хотелось нашим авторам, не наука, а ученые обладают теми или иными качествами. И если ученые – психологи и психотерапевты, культурологи и логики, философы и социологи, прочие специалисты в гуманитарных, социальных и есте-

ственных науках и даже персонологии — в светлом будущем не возьмут на себя ответственность за разрешение хотя бы тех противоречий, которые мы предложили вашему вниманию, сама персонология с этим не справится. Этот наш дискурс можно считать первым вкладом в великое дело построения новой персонологии, ведь как корабль назовешь — так он и поплывет, как фундамент заложишь — так и здание стоять будет.

Если же не разобраться с этим с самого начала, то дом персонологии развалится, как Вавилонская башня, и причиной того будет не божий гнев, а недалекость проектировщиков. Если же говорить не метафорически, а по существу, то разрушаться в данном случае будут не некие «стены», а конкретные личности ученых, вовлеченных в подобную деятельность, поскольку их собственная целостность невозможна без понимания ими того, что составляет суть их профессиональной идентичности.

Понимать, творить и любить человек способен безо всякой персонологии. Если же авторы новой персонологии не способны внятно объяснить, в чем будет заключаться то сакральное «новое», которое позволит это делать «по-новому», то новое качество не образуется, подобно тому, как от представления золотых талеров они в кармане не синтезируются, а от повторения слова «сахар» во рту сладко не станет.

Эпилог деконструктивистский: интеграция или симуляция интеграции?

Сквозные, обозначенные нами неразрешенные, неснятые противо-

речия — движители не интеграции, а дезинтеграции, они не преодолеваются, а только лавинообразно накапливаются. Что еще раз показывает, что не всякий синтез — во благо, не всякое накопление — счастье. В этом случае перед нами не новая интегральная наука, а симуляция интеграции, новый симулякр. Можно утешиться тем, что сейчас «культура» такова везде: куда ни посмотри — симулякры всех мастей. У нас стало почти модным воздыхать о том, что и здравоохранение, и судебная система, и образование, и строительство и т.д. и т.п. подчас лишь имитируют, симулируют соответствующую деятельность. А фактический развал отечественной науки только венчает собой ситуацию этого «культурного дрейфа». А ведь именно ученые призваны быть в первой шеренге борцов с симулякрами. Ученые могут позволить себе быть простыми как голуби и мудрыми как змии и сказать вслух, публично: «Король-то — голый». Голая правда, какой бы она ни была, лучше разряженной лжи, а самый скромный, самый маленький научный факт лучше самой помпезной лженауки.

Эпилог конструктивный: что кроме критики?

Подведем содержательные итоги.

Персонология невозможна как синтез, интеграция разных парадигм, но она возможна как синтез, интеграция разных понятий в рамках какой-

то одной парадигмы, существующей в современной психологии личности. Например, персонология возможна (более того, она реально существует) в рамках и экзистенциального (как «персонология»), и человекоцентрированного (как «становление человека») подходов⁵.

Персонология невозможна как синтез, интеграция разных культур, но она возможна (более того, она реально существует) как синтез, интеграция понятий внутри русскоязычной культуры. Так, в европейской культуре уже существует пестрый букет персонологий.

Иначе говоря, общая персонология как изначальный глобальный проект невозможна; возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта естественная амбиция прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической. Более того, лишь при построении частной персонологии (внутри одной культуры и одной научной парадигмы) возможна действительная (а не только на словах), творческая интеграция понятий. Например, в единую концептуальную систему могут быть интегрированы весьма разнородные понятия личности и сущности, персоны и тени, маски и лика, персонализации и персонификации, индивидуализации и индивидуации, диалога и триалога (Орлов, 1995а, 2002а, 2002б).

Поставив перед собой задачу построения общей персонологии до построения частной персонологии,

⁵ Развернутый сравнительный анализ этих двух person-centered «частных персонологий» был предпринят ранее (см.: Орлов, Лэнгле, Шумский, 2007).

наши авторы неизбежно стали заложниками перечней разнородных, подчас противоречивых понятий и более чем странных, бесосновательных классификаций.

Ни понятие «персона», ни понятие «перзон», ни понятие «личность», ни даже понятие «субъект» неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов. Существует лишь одно понятие, соразмерное «персонологическому повороту», и это понятие – «человек». Другими словами, все четыре проекта авторов могут вместиться исключительно и только в человекоцентрированную парадигму. Следует лишь озвучить секрет Полишинеля: такая «персонология» уже существует более полувека как парадигма *«becoming of the person»* (Орлов, 2002в; Роджерс, 1994), и именно эта научная парадигма становления человека является «наукой человека — о человеке — для человека — во имя человека».

Эпилог драматический

После того как умолкла Онтология, завершив разбор, а точнее разоблачение «новой Персонологии»,

воцарилась напряженная тишина. И тут все науки, естественно, обратились к многоликой Психологии личности, не промолвившей пока ни слова, но, очевидно, пребывавшей в явном душевном смятении: кровь отхлынула от ее лица, глаза полны слез. Рядом с Психологией личности стояла человеколюбивая Психотерапия. Она, напротив, была совершенно спокойна, но тоже ничего не сказала. Похоже, в отличие от всех прочих наук, ее интересовали не категории и понятия, не противоречия и тексты, не симулякры и какой бы то ни было контент; вся она была обращена к той, кого так нещадно разоблачали. Именно поэтому она не продолжила анализ. Вместо этого она всматривалась в самую юную особу, будто узнавая в ней кого-то, и улыбалась. И эта улыбка была преисполнена такой безусловной любви, что затянувшееся разоблачение обернулось внезапным и настоящим преобразованием: Персонология припала к коленям Психологии личности, и только тут все присутствующие увидели в ее локутном наряде рубище блудной дочери.

Картина, достойная кисти великого Рембрандта....

Литература

- Боуэн, М. (1992). Духовность и личностно-центрированный подход. *Вопросы психологии*, 3–4, 24–33.
- Грин, Б. (2012). *Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса*. М.: Либроком.
- Зинченко, В. П. (2002). Размышления о душе и духовном развитии. В кн. *Психология искусства* (т. 1, ч. 1, с. 3–28). Самара: Изд-во СамГПУ.
- Исаева, А. Н. (2013). «Принцип оппозиций» в персонологическом познании. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 135–149.
- Кедров, Б. М. (1985). *Классификация наук. Кн. 3: Прогноз К. Маркса о науке будущего*. М.: Мысль.
- Лэнгле, А. (2005). *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.

- Орлов, А. Б. (1995а). Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. *Вопросы психологии*, 2, 5–19.
- Орлов, А. Б. (1995б). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Логос.
- Орлов, А. Б. (2002а). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Издательский центр «Академия».
- Орлов, А. Б. (2002б). Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход. *Вопросы психологии*, 3, 3–19.
- Орлов, А. Б. (2002в). Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике (к 100-летию со дня рождения К. Роджерса). *Вопросы психологии*, 2, 64–84.
- Орлов, А. Б., Лэнгле, А., Шумский, В. Б. (2007). Экзистенциальный анализ и клиентоцентрированная психотерапия: сходство и различие. *Вопросы психологии*, 6, 21–36.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2011). Индивидуальность vs индивидность: роковой вопрос современности. *Мир психологии*, 1, 32–44.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2014). Психологический статус психотерапевта. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 136–149.
- Орлов, А. Б., Шумский, В. Б. (2005). Неэтическое измерение человека: вклад Виктора Франкла в психологию и психотерапию. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2(2), 65–80.
- Орлова, Н. А. (2000). *Философско-категориальные основания концепций символа* (Автореферат кандидатской диссертации, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Орлова, Н. А. (2014). Страсти по символу. В кн. *В пути за китайскую стену* (с. 157–175). М.: Институт востоковедения РАН.
- Персонология. (б.д.). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: наука личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии»*, 20–30.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. В. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Пономаренко, В. А. (1998). *Психология духовности*. М.: Магистр.
- Роджерс, К. (1994). *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М.: Прогресс.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010). Парадигма жизни в персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(1), 3–18.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012а). Новая персонология – интегральная наука о личности. *Мир психологии*, 3(71), 59–71.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012б). От идей В.А. Роменца к культурной персонологии. В кн. *Психология вчинку* (с. 207–216). Киев: Либідь.
- Тхостов, А. Ш. (2002). *Психология телесности*. М.: Смысл.
- Франкл, В. (2000). *Основы логотерапии. Психотерапия и религия*. СПб.: Речь.
- Фромм, Э. (1998). *Психоанализ и этика*. М.: АСТ-ЛТД.
- Шадриков, В. Д. (1996). *Духовные способности*. М.: Магистр.
- Эмблемы и символы*. (1995). М.: Интрада.
- Smuts, J. C. (1926). *Holism and evolution*. London: Macmillan.
- Trowbridge, A. V. (2011). *Smuts, holism and evolution*. Режим доступа: <http://docslide.net/documents/gd-0-2-smuts-holism-and-evolution.html>

Science of a Person: Person-Centered Approach to General Personology (or The Story of the Accident in the Noble Family of Sciences)

Alexandr B. Orlov

Professor, School of psychology, HSE*, D.Sc.
E-mail: aorlov@hse.ru

Natalya A. Orlova

Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology**, Ph.D.
E-mail: n.orlova@newmail.ru

Address: * 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation
** 9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141700, Russian Federation

Abstract

The authors discuss "the personological project" of psychology development, proposed by Vadim Arturovich Petrovsky and Elena Borisovna Starovoytenko. Internal contradictions and weaknesses of the project are identified and explicated, the main ones are "non-systemic" (chaotic and syncretical conceptual apparatus) and "non-human" (the reduction of human being to the personality, and the personality to persona). The authors believe that personology is impossible as the integration of different paradigms, but it is possible as the integration of different concepts within any single paradigm that exists in modern psychology of personality (e.g. personology actually exists within existential and person-centered approaches). Personology is impossible as well as the integration of different cultures, but it is possible as the integration of concepts within a single culture. In other words, the general personology as the original global project is impossible; the genesis of a general personology is possible on the basis of special personology, and such a natural ambition can be seen in each special personology (theory of personality), beginning from the psychoanalytic one. Moreover, only during the construction of the special personology (within a special scientific paradigm and a special culture) the creative integration of concepts can be real (and not just in words). Set for themselves the task of constructing a general personology before the building a special personology Vadim Arturovich Petrovsky and Elena Borisovna Starovoytenko inevitably become the hostages of the lists of diverse, contradictory concepts and strange, unfounded classifications. Neither the concept "persona," nor the concept "person," (according to Langle) nor "personality," nor even the concept of "subject" are adequate (due to the narrowness of its denotations) for the ambitious plan of the authors of "personological project." There is only one concept commensurate to this project, and this concept is "person" (as a human being). The perspectives for the development of general personology are seen in the implementation of a holistic person-centered paradigm in relation to the fundamental, counseling and cultural psychology of personality. This area of psychology and psychological practice is positioned in the article as "the science of a person — about a person — for a person — for the sake of a person".

Keywords: personology, general personology, special personology, personality, persona, subject, person, psychotherapy, person-centered approach.

References

- Bowen, M. (1992). Dukhovnost' i lichnostno-tsentrirrovanniy podkhod [Spirituality and person-centered approach]. *Voprosy Psikhologii*, 3–4, 24–33.
- Green, B. (2012). *Skrytaya real'nost'*. *Parallelnyye miry i glubinnyye zakony kosmosa* [The hidden reality: Parallel universes and the deep laws of the Cosmos]. Moscow: Librokom. (Transl. of: Greene, B. (2011). *The hidden reality: Parallel universes and the deep laws of the Cosmos*. New York: Alfred A. Knopf).
- Zinchenko, V. P. (2002). Razmyshleniya o dushe i dukhovnom razvitii [Reflections on soul and spiritual development]. In *Psikhologiya iskusstva* [The psychology of art] (Vol. 1, Pt. 1, pp. 3–28). Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities.
- Isaeva, A. (2013). The “Opposition principle” in personological cognition. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(1), 135–149.
- Kedrov, B. M. (1985). *Klassifikatsiya nauk* [Classification of sciences] (Vol. 3: Prognoz K. Marksa o nauke budushchego [Vol. 3: K. Marx's prognosis on the science of future]). Moscow: Mysl'.
- Längle, A. (2005). *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person: Existential and analytic theory of personality]. Moscow: Genezis.
- Orlov, A. B. (1995a). Lichnost' i sushchnost': vneshnee i vnutrennee Ya cheloveka [Personality and essence: The external and internal Self of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 5–19.
- Orlov, A. B. (1995b). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: Paradigms, projections, practices]. Moscow: Logos.
- Orlov, A. B. (2002a). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proektsii, praktiki* [The Psychology of personality and essence of a man: Paradigms, projections, practices]. Moscow: Izdatel'skii Tsentr “Akademiya”.
- Orlov, A. B. (2002b). Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i psikhoterapiya: trialogicheskii podkhod [Psychological counseling and psychotherapy: Trialogical approach]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 3–19.
- Orlov, A. B. (2002c). Chelovekotsentrirrovanniy podkhod v psikhologii, psikhoterapii, obrazovanii i politike (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya K.Rodzhera) [Person-centered approach in psychology, psychotherapy, education and politics (To the 100 years anniversary of C. Rogers)]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 64–84.
- Orlov, A. B., Längle, A., & Shumsky, V. B. (2007). Existential analysis and patient-centered therapy: Differences and similarities. *Voprosy Psikhologii*, 6, 21–36.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2011). Individual'nost' vs individnost': rokovoi vopros sovremennosti [Individuality vs. individual: The fatal question of the modern age]. *Mir Psikhologii*, 1, 32–44.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2014). The psychological status of a psychotherapist. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 136–149.
- Orlov, A., & Shumskiy, V. (2005). Noetic dimension of human being: Viktor Frankl's contribution to psychology and psychotherapy. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(2), 65–80.
- Orlova, N. A. (2000). *Filosofsko-kategorial'nye osnovaniya kontseptsii simvola* [The philosophical and categorical bases of the concept of symbol] (Extended abstract of PhD dissertation, Moscow, Moscow State University).
- Orlova, N. A. (2014). Strasti po simvolu [Symbol's passions]. In *V puti za kitaiskuyu stenu* [On the way to the Chinese Wall] (pp. 157–175). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

- Personologiya [Personology] (n.d.). Retrieved from <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>
- Petrovskiy, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: The science of personality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special issue "Aktual'nye problemy psikhologii"*, 20–30.
- Petrovskiy, V. A. (2010). Nachala mul'tisub"ektnoi personologii [The fundamentals of multisubject personology]. *Development of Personality (Russia)*, 1, 55–72.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Ponomarenko, V. A. (1998). *Psikhologiya dukhovnosti* [The psychology of spirituality]. Moscow: Magistr.
- Rogers, C. (1994). *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A view of psychotherapy. On becoming a person]. Moscow: Progress. (Transl. of: Rogers, C. (1961). *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy*. London: Constable).
- Starovoytenko, E. B. (2010). Paradigm of life in personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(1), 3–18.
- Starovoytenko, E. B. (2012a). Novaya personologiya – integral'naya nauka o lichnosti [New personology is the integral science of personality]. *Mir Psikhologii*, 3, 59–71.
- Starovoytenko, E. B. (2012b). Ot idei V.A. Romentsa k kul'turnoi personologii [From the V.A. Romanets's ideas to the cultural personology]. In *Psikhologiya vchinku* [The psychology of deed] (pp. 207–216). Kiev: Libid'.
- Tkhostov, A. Sh. (2002). *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.
- Frankl, V. (2000). *Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya* [The fundamentals of logotherapy. Psychotherapy and religion]. Saint Petersburg: Rech'.
- Fromm, E. (1998). *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow: AST-LTD. (Transl. of: Fromm, E. (1946). *Psychoanalyse und Ethik*. Stuttgart: Diana (in German)).
- Shadrikov, V. D. (1996). *Dukhovnye sposobnosti* [Spiritual abilities]. Moscow: Magistr.
- Emblemy i simvol'y* [Emblems and symbols]. (1995). Moscow: Intrada.
- Smuts, J. C. (1926). *Holism and evolution*. London: Macmillan.
- Trowbridge, A. V. (2011). *Smuts, holism and evolution*. Retrieved from <http://docslide.net/documents/gd-0-2-smuts-holism-and-evolution.html>